

Егор Аладьин

Кочубей

Егор Аладьин
Кочубей

«Public Domain»

1827

Аладьин Е. В.

Кочубей / Е. В. Аладьин — «Public Domain», 1827

«Шумно пировали знаменитые гости за роскошным столом Василия Леонтьевича Кочубея. В день ангела милой жены своей, Любви, он угощал гетмана Мазепу, всю знать войсковую и любезного князя Обидовского: золотой мед и дорогое венгерское кипели в тяжелых кубках, девы и жены скромно шептались между собою; а смелые, воинственные питомцы Днепра воспоминали свои победы, желали новых и, пожимая друг другу руки, пили за славу, дружбу и гостеприимную Любовь! Лица всех оживотворялись улыбкою; как безоблачное небо, были души их – и яркое солнце весело глядело в окна чистой светлицы на званый пир богатого хлебосола...»

© Аладьин Е. В., 1827

© Public Domain, 1827

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	9
Глава IV	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Егор Васильевич Аладын

Кочубей

Глава I

*Наше счастье разбитое
Видим мы игрушкой волн;
И в далекий мрак сердитое
Море мчит наш бедный чолн.*

Шумно пировали знаменитые гости за роскошным столом Василия Леонтьевича Кочубея. В день ангела милой жены своей, Любви, он угощал гетмана Мазепу, всю знать войсковую и любезного князя Обидовского: золотой мед и дорогое венгерское кипели в тяжелых кубках, девы и жены скромно шептались между собою; а смелые, воинственные питомцы Днепра воспоинали свои победы, желали новых и, пожимая друг другу руки, пили за славу, дружбу и гостеприимную Любовь! Лица всех оживотворялись улыбкою; как безоблачное небо, были души их – и яркое солнце весело глядело в окна чистой светлицы на званый пир богатого хлебосола.

– Василий Леонтьевич! – сказал Мазепа сидевшему об руку с ним, Кочубею, когда прочие гости на минуту умолкли. – Ты счастливейший человек в мире. Кто не позавидует тебе?

– Господин гетман, – подхватил Кочубей, – все Божие, а не мое, да будет благословенно имя Его!

– Чего же недостает у тебя? Острою саблею ты зарубил имя твое на ущербной луне поклонников Магомета; кроме язв чести, ты не знал недугов; золота у тебя, как песку окрест Киева; на твою Любовь нельзя наглядеться, на твоих детей мало века налюбоваться! Жизнь твоя течет, как светлый праздник, весело и беззаботно.

– Хвала Богу! – отвечал Кочубей. – Я уже не молю Его, но благодарю только за щедроты; я пресыщен Его дарами; Он так неистощим, как мои желания; Он благ, как только Он сам, но...

– Но так всевластен, хочешь ты сказать, – подхватил Мазепа, – что в один миг может истребить даже и следы прежних лет милости?

– Нет, гетман! Я не знаю Бога казни. Я хотел сказать, что Он так правосуден, так неподкупно строг, что недостойные вовеки не внидут в чертог Его славы! Что же значит богатство, что счастье земли без вечного блаженства? Без него все наслаждения не полны – и душа моя, как сирота, приласканная на чужбине, минутно весела и постоянно печальна!

– Умный Василий, – прервал гетман, взяв его за руку. – Оставим это. Я хочу быть в гостях у храброго товарища, у веселого хозяина, а не у печального проповедника. Не *memento Mori*, но здоровье твоей супруги и всего дома наш лозунг! Да здравствует царица пиршества Любовь! – воскликнул он. – Да здравствует Любовь! – повторили все гости, кубки чокнулись, загремели турецкие литавры, и Любовь – именинница поклонилась гостям.

С шумом отодвинулись стулья, веселы встали пирующие, стыдливые девы убежали, как тени, и домовитые жены увели Любовь в роскошную опочивальню. Мужчины остались одни, слава Малой России была предметом их разговоров: все удивлялись родине, благословляли царя Московского; один Мазепа вздрагивал при каждой клике их восторга; как отверженный Аввадона, смотрел он на них мутными очами и спешил укрыться от внимания других в кругу тихо беседующих жен и девиц.

Сама радость, казалось, вошла с ним; его живой, разнообразный разговор пленил души собеседниц, он был один для всех, и все были только для него, он был всеми доволен, все были

им очарованы! Но более других пленяла его юная Мария, более других Мария пленялась им. Он с нею был занимательнее, нежнее – как крестный отец он имел право шутить – и шутил над ее стыдливостью, мог ее хвалить – и превозносил ее.

– Милая кума, – говорил гетман, обратись к хозяйке дома, – дочь твоя прелестна, как лучшая роза в саду твоём! Храни это сокровище, я хочу, я должен сделать ее счастливою!

– А разве теперь она несчастлива? – возразила Любовь.

– И да, и нет, – отвечал Мазепа, – она цветет в глуши беспечного уединения, она не знает печали, отец и мать хранят ее. Но наступает время: не для себя она прекрасна, тебе обручать ее не небу, а человеку – нашла ли ты достойного?

– Нет еще, гетман, я не спешу выбором, ей семнадцать только лет, суженый придет сам в обреченное время, Василий Леонтьевич увидит его род, дела и звание; я увижу его сердце – и тогда, если угодно Богу, вы, гетман, поведете под венец мою Марию.

– Я поведу ее под венец? – спросил, запинаясь, Мазепа.

– Когда удостоите этой чести вашу крестницу, – подхватила Любовь.

– Да-да, это счастье принадлежит мне, – продолжал он, оправляясь от первого смущения, с принужденною улыбкою, – слышишь, друг мой, я поведу тебя под венец!

Мария благодарила его наклоном головы и радостным взором – Мазепа торжествовал.

Из другой комнаты послышался веселый разговор входящих гостей, и все обратились к ним; только гетман не сводил горящих взоров с юной красавицы; только она мечтала о гетмане, украдкой заглядывалась на его орденскую ленту, на пылающее лицо – и невольный вздох волною пробежал в высокой груди ее.

– Вот наш гетман, – сказал Василий Леонтьевич, – он всегда у нас голова, всегда впереди нас.

– Это правда, – подхватил Обидовский, – и точно таков, как теперь, в битвах с неприятелем, за священным зеркалом суда, в беседе верных друзей, в кругу милого пола. Я горжусь таким дядею!

– А мы таким гетманом! – воскликнули гости.

– А я вашею дружбою и хвалою, – отвечал Мазепа, и всеобщий разговор весело шумел до глубокой ночи.

Холодная луна катилась в безоблачных долинах голубого неба, звезды сверкали – и полусонные гости спешили по домам; они выезжали из широких ворот, длинные тени бежали перед ними, звонкий голос, гостеприимного хозяина провожал их желанием доброй ночи.

Все утихло, и Василий Леонтьевич с милою супругою пошли с высокого крыльца в опустевшие покои. В столовой зале встретила их Мария, нежно благословили они милую дочь и удалились. Долго стояла задумчивая красавица на одном месте, в пылкую душу ее заронилось что-то непонятное, что-то сладостное – не раз озиравшись она кругом, как будто кого-то ожидая.

– «Я поведу тебя под венец!», сказал он... Если я угадала?... Возможно ли?... Последнее слово его было: я люблю тебя! Я обожаю!.. – так робко шептала невинная жертва заблуждения.

Отворились двери.

«Не он ли воротился?» – подумала она и бросилась на шум, но это была старушка-няня.

– Пора почивать, сударыня! Первые петухи давно уже пропели, а вам и сна нет.

Тихо удалилась Мария. Ни теплая молитва, ни ограждение святым крестом не спасли ее от беспокойных снов: Марии мечтался его образ, сквозь сон она говорила о нем – и знаха-няня над страдальцей любви творила заклинания от дурного глаза.

Глава II

*Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье,
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.*

И в чертогах беспечного богача искусный паук раскидывает свои сети на позолоченных карнизах – и в светлом доме Кочубея свила гнездо молчаливая печаль: прелестная Мария увядала в безмолвии, малютки братья не играли в ее присутствии, но тихо, нетвердым языком невинного младенчества, шептали между собою: сестрица нездорова. Напрасно попечительный отец спрашивал: «Что с тобою, друг мой?» – она молчала, поднимая голубые глаза к небу, как бы желая тем сказать: один Бог про то знает! Напрасно нежная мать прижимала ее к сердцу, выманивая лаской непостижимую тайну, – в безмолвии она устремляла взоры на холодную землю и тем, казалось, отвечала: скорбь души моей пойдет со мною в могилу. Одна няня была несколько счастливее в расспросах. Неотступно просила она Марию умыться наговоренною водою: «Голубочка моя, это все от черных глаз!»

– Да, няня, да, точно, это все от черных глаз, – говорила с таинственным видом унылая красавица и умывалась горючими слезами.

Так проходили ясные дни, но и в темные ночи не смыкались глаза ее, страшные грезы носились над нею – и тихий сон бежал от омоченного слезами ложа. Эти слезы, эти страдания Марии падали на сердца добрых ее родителей, они плакали с нею, они страдали вместе. Но не одна грусть семейная томила душу благородного Кочубея, не об одной дочери скорбел он: милая отчизна его, счастливая, благословенная Украина стонала под пятою алчного грабителя! Он уважал в гетмане главу Малороссии, но презирал в Мазепе жестокого, корыстолюбивого утеснителя казаков. Он любил старшую дочь свою Анну, любил доброго зятя Обидовского – и для того-то еще водил хлеб-соль с его дядею.

Между тем время текло быстро; дела войсковые и новости о подвигах казаков на поле чести развлекали преданного отчизне и престолу Кочубея; домашние упражнения и молитвы усыпляли на несколько недолгих часов тоску в сердце Любви – одна Мария была постоянно скучна и задумчива, ничто не трогало, ничто не утешало ее: живая, прелестная в весеннее время природа Малороссии казалась мертвою мертвому сердцу страдальцы.

Однажды все трое сидели на высоком крыльце и любовались прохладным вечером: светло было на голубом небе, тихо в чистом душистом воздухе; поля, одетые созревающим хлебом, златистыми коврами расстилались перед ними; там, черною полосой, тянулась большая Батуриная дорога, в разных местах пересекаемая узкими проселками; вот за клубилась по ней сизая пыль в отдалении, вот неслася ближе, ближе – и прямо к их воротам скакал молодой всадник. Это был гонец от Батурина, скоро въехал он на широкий двор Кочубея, скоро спрыгнул с лошади, отдал ее встречному уряднику – и предстал Василию Леонтьевичу с посланием от гетмана.

Войсковый судья в ту же минуту распечатал конверты, в ту же минуту прочел их – и приказал отвести присланного в покои: «Он устал с дороги, ему нужен отдых», – говорил радушный хозяин, во приезжий гость медлил уходом и значительно поглядывал на Марию. В робком ожидании бросала на него взоры бедная девушка.

– Не привез ли ты еще чего? – спросил Кочубей.

– Да, благородный судья, – отвечал гонец. – Вот еще письмо к вам вельможного гетмана – письмо особой важности.

– Посмотрим, – сказал Василий Леонтьевич, принимая письмо, и Любовь с дочерью устремили на него любопытные взоры.

Вдруг негодование, гнев изображаются на лице Кочубея, он дрожит и не может произнести ни слова.

– Что с тобою сделалось, друг мой? – спрашивает испуганная супруга.

– Нечестивец! – вскричал наконец судья грозным голосом. – Он требует руки нашей дочери, руки своей дочери! Удались, посол безбожника, – вот мой ответ твоему гетману, – продолжал он, бросив роковое письмо в глаза посланному.

С ужасом ахнула добрая Любовь при этой вести, и несчастная Мария упала без чувств.

Глава III

*О чем ни молимся богам,
Что дать нам боги ни во власти —
Ничто не даст отрады нам,
Когда ошибочные страсти
Вредят сердечной тишине,
Когда господствуют оне.*

Скорыми и неровными шагами ходил Мазепа из угла в угол. Взоры его пылали гневом, и жаждой мщения горело суровое чело его. «Что хотели доказать они мне своим отказом? – говорил он сам с собою. – Благородство ли душ, непритворное благочестие или только презрение ко мне – их повелителю? Последнее, да, последнее! Я узнаю тебя, гордая Любовь! Ты вооружила против меня покорного молчаливого судью, ты давно ненавидела Мазепу и обрадовалась случаю поразить его сердце! Хорошо, ликуй до времени, рассказывай всем, что ты отвергла предложение гетмана, смейся, хохочи над глупостью владыки Малой России, над унижением князя Римской империи, над слабостью кавалера ордена Первозванного! Не глупец ли я? – продолжал он. – Бешусь на женщину за глаза, а перед нею, когда она оглушала меня своими набожными поучениями, я стоял, как деревянный. Стыд, стыд Мазепе!.. Но я исправлюсь, я, в свою очередь, скажу ей долгую проповедь о христианском смирении, о долге заботливой, проныцательной матери. Чего ж медлить? Время неозвратно. Эй, кто там!» – кричал он так, что окна дрожали. Как смерть, бледный, вошел к нему робкий слуга и неподвижно стал у дверей.

– Пошли ко мне эзуита – не Заленского, а племянника его, слышишь, скорее!

«Я надеюсь на успех, – продолжал он, оставшись один. – Эзуиты умны – чего не делают такие люди? Чтобы покорить его сердце, чтобы сделать его на все способным, быстрым, неустрашимым и верным, я рассыплю перед ним тысячи червонных – и если он поймает мне голубку с золотым пером, пусть берет сам сколько хочет. Кочубей, Кочубей! Я завидовал твоему счастью – как знать, не буду ли плакать о твоих горестях? Нет, нет! Я не буду плакать! Я не баба – я обиженный тобою твой гетман!»

В это время вошел эзуит. Мазепа, дав ему знак следовать за собою, скрылся в кабинете, ключ щелкнул в замке – и тишина воцарилась всюду; только однообразный бой стенных часов нарушал мертвое молчание в обители злодея.

Долго были они наедине. Наконец тиран вышел, ведя раба своего за руку, как милого друга.

– Подумай, – говорил он ему, – за каждую минуту времени, которое ты истратишь для меня, я дам тебе по червонцу, за хранение тайны – непрерывная милость. Но помни: у тебя одна голова!

Эзуит поклонился и медленными шагами вышел из комнаты.

Глава IV

*Блажен, кто незнаком с виною,
Кто чист младенчески душою!
Мы не дерзнем ему вослед;
Ему чужда дорога бед:
Но вам, убийцы, горе, горе!
Как тень за вами всюду мы,
С грозою мицения во взоре,
Ужасные создания тьмы!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.